

А.В. ОДРИН

ГРЕКО-СКИФСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ, ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

История греко-варварских и, в частности, греко-скифских взаимоотношений реконструируется, главным образом, с использованием археологических источников [см. лит.: Марченко, 2005]. Сказанное в полной мере относится к изучению греко-скифской торговли – одной из важнейших составляющих этих отношений. На базе археологических данных реконструируется и ассортимент товаров, которыми торговали обе стороны, и объемы торговли, и роль торговли с варварами в экономике античных государств Северного Причерноморья.

Кроме того, следует также подчеркнуть, что очень часто к изучению скифо-античной торговли подходят достаточно односторонне, скажем так, с «греческих позиций», т.е. исходя лишь из представлений о характере хозяйства античных государств Северного Причерноморья, об их потребностях в импортных товарах, о роли транзитной торговли в их экономике¹. Гораздо реже речь идет о структуре кочевого хозяйства, о потребностях степняков, о караванной торговле в степи. Даже скифологи, не говоря уже об античниках, далеко не всегда опираются на этнографические параллели, хотя ряд исследователей продемонстрировал продуктивность такого подхода и в области социальной [Хазанов, 1975], и экономической [Гаврилюк, 1999], и политической [Виноградов, 2009] истории Скифии.

Значительно реже к оценке значимости греко-скифской торговли подходят с общеисторических позиций, привлекая сравнительно-исторические либо этнографические данные об общих тенденциях в торговых отношениях между кочевниками и оседлым населением, проецируя полученную информацию на отношения между скифами и их греческими соседями. Между тем, подобный подход позволяет если и не пересмотреть ряд уже устоявшихся представлений то, по крайней мере, поставить вопрос о возможности их пересмотра. Последнее касается, как минимум, двух ключевых вопросов:

1. Об ассортименте поставляемых товаров и, в частности, о соотношении продукции повседневного и престижного употребления, а также напрямую связанного с этим следующего вопроса:

¹ Весьма показательным в этом отношении является упомянутый выше историографический обзор К.К. Марченко.

2. О составе потребителей получаемых товаров: были ли ими в основном представители племенной верхушки, если торговали преимущественно предметами престижного употребления, или же рядовые общинники, если в торговле преобладали предметы повседневного употребления.

Говоря об ответе на первый вопрос, необходимо подчеркнуть, что, как отмечается многими исследователями, прежде всего этнографами, кочевое общество по самой своей природе не может быть автаркичным [см.: Хазанов, 2002, с. 153-173], поскольку целый ряд жизненно важных товаров оно полностью либо частично получает извне. А.И. Першиц, говоря о хозяйстве бедуинов Северной Аравии, утверждал даже, что оно мене автаркично и более товарно чем хозяйство оседлых, поскольку номады не могли существовать без продуктов питания (фиников и зерна), получаемых у оседлых [Першиц, 1961, с. 35].

Подобное заключение можно сделать и относительно кочевников Евразийской степи. К жизненно необходимым товарам, в первую очередь, относятся продукты питания (в основном зерно), ткани и изделия из металлов.

Согласно этнографическим данным и вопреки широко распространенным представлениям, основной пищей рядовых кочевников, наряду с молочными продуктами, является зерно, потребляемое либо в виде каш, преимущественно из проса или ячменя, либо в виде лепешек или похлебок из муки, либо просто в виде поджаренного зерна (Про мучные блюда кочевников см.: [Житецкий, 1893, с. 14-16; Левшин, 1832, с. 38; Лот, 1989, с. 111-112; и мн. др.]). В оценке удельного веса «зерновой» составляющей питания номадов исследователи расходятся. Это связано, в частности, и с оценкой удельного веса мясных блюд в рационе кочевников.

Значительная часть этнографов вовсе отрицает важность мясной пищи в рационе большинства номадов. В наиболее категоричной форме эта мысль в свое время была высказана С.Б. Поляковым: *«порой даже в специальной этнографической литературе высказывается мнение, что основу рациона среднеазиатских кочевников-скотоводов составляет мясо. Это далеко не так. Если бы скотоводы питались в основном мясом, то, как это показывают простейшие расчеты, средней зажиточности скотовод съедал бы вместе с семьей свое стадо за 3-4 года. Основу их пищи составляли молочные продукты и хлеб, которые кочевники сами не выращивали»* [Поляков, 1980, с. 78]. То же, но применительно к кочевникам не степных, а полупустынных и пустынных районов, писал Анри Лот: *«Эта поговорка (о сапожнике без сапог – А.О.) вполне применима к скотоводам, которые, пожалуй, самые скромные потребители мяса, какие только бывают. Пастух держит скот для того, чтобы получать от него продукты и либо потреблять их, либо продавать, чтобы обеспечить себя другими продуктами или же приобрести одежду. А сам он употребляет мясо в пищу весьма умеренно, ибо убой скота приносит ущерб его капиталу»* [Лот, 1989, с. 116].

При этом стоит подчеркнуть, что, в зависимости от времени года, удельный вес зерновой, молочной и мясной составляющих кочевнического меню существенно ме-

нялся. Так, к примеру, у казахов в весенне-летний период основной питания были молочные продукты: вначале, весной, – из овечьего и верблюжьего молока, а с лета – также и кобыльего [Толыбеков, 1971, с. 548-549, 556]. С наступлением же осени основой питания становятся мучные и мясные блюда [Толыбеков, 1971, с. 564, 568]. Подобная картина характерна и для кочевников, практикующих «вертикальное» кочевание: в рационе горно-степных кочевников, например, тувинцев, в осенне-зимний период также резко снижалось потребление молочных продуктов, составлявших основу их питания в весенне-летний период², и заметно росло потребление мучных блюд и жареного проса, а также (в значительно меньшей мере) и мясных блюд [Вайнштейн, 1991, с. 120-121].

При этом последние могли себе позволить далеко не все кочевники: *«В ноябре производился убой скота на согум, т.е. заготовление мяса и сала впрок на зиму.... Какой скот, сколько и какого вида били на мясо зависело от состоятельности хозяйства и расходов хозяина... Бедняцкие хозяйства почти никогда ничего не кололи, изредка кое-кто опаливал одного-двух баранов»* [Толыбеков, 1971, с. 568]. Если казахский богач зимой мог себе позволить регулярно лакомиться мясом, то, скажем, батрак питался главным образом похлебкой и жалма-талханом – поджаренными зернами [Толыбеков, 1971, с. 585].

По-настоящему наестся мясом небогатому кочевнику удавалось лишь на званом угощении у богача. Вот как описывает это очевидец: *«... все сидят группами: на почетном месте вокруг парадной чаши с лучшими кусками – заднюю частью, жиром и головой – сидят гости, сбоку хозяин, несколько поодаль сыновья, а напротив женщины... Костный мозг считается, как и голова, самым лакомым куском... хозяин получает после гостей, женщины после мужчин, и каждая партия, выбрав хорошенько из чаши лучшее, что в ней имеется, передает чашку с остатками дальше; голодные пастухи стараются вознаградить себя за долгое ожидание, выхватывая и проглатывая лучшие из оставшихся кусков»* [Карутц, 1911, с. 75-76]. Учитывая тот факт, что кочевое хозяйство во все эпохи было достаточно единообразным, можно вполне обосновано предполагать, что описанная выше картина вполне могла наблюдаться и во время пира у скифских скотоводов. Вряд ли можно исключать, что скифские бедняки иногда питались и мясом падших животных, как это было, скажем, у калмыков [Небольсин, 1852, с. 45]³. Еще одним, весьма нерегулярным, источником мяса были набеги на соседей, такие как баранта у казахов либо реззу у туарегов, во время которых рядовые кочевники иногда передали так, что заболели [Лот, 1989, с. 116]. Кстати, последнее весьма красноречиво свидетельствует о невозможности наестся мяса вволю в обычных условиях.

Подытоживая вышесказанное, следует заключить, что в зимний период в рацио-

² Не стоит забывать, что кочевники заготавливали молочные продукты впрок (см. подборку данных: [Вайнштейн, 1991, с. 131-132]).

³ Калмыки ели даже мясо домашних животных, падших от сибирской язвы [Небольсин, 1852а, с. 197].

не кочевников, вне зависимости от региона либо эпохи, растительная пища занимала важнейшее место, причем тем большее, чем беднее был кочевник. Кстати, если номады были не в состоянии полностью обеспечить себя импортным зерном, они активно заготавливали дикорастущие растения, как это было, к примеру, у охотников-скотоводов Восточной Тувы [Вайнштейн, 1991, с. 122] или туарегов Сахеля [Лот, 1989, с. 113-114].

Археология свидетельствует, что и в скифское время зерно, прежде всего просо, активно потреблялось кочевниками Великой степи, причем в самых разных ее районах – например, в Туве [Вайнштейн, 1991, с. 118] или, несколько позднее, в Центральной Азии [Крадин, 2001, с. 108].

В большинстве случаев зерно для приготовления каш и муку кочевники получали от своих соседей-земледельцев. Впрочем, частично проблема обеспечения продовольственным зерном решалась путем развития собственного земледелия. Этого можно было добиться одним из трех способов (или их комбинацией):

Во-первых, можно было посадить на землю пленников из числа земледельцев⁴;

Во-вторых, можно было практиковать примитивное земледелие сезонного типа (о нем см. ниже);

Третьим путем было собственно оседание на землю части кочевников.

Первый способ, судя по имеющимся данным, был опробован еще хуннами в Северной Монголии и Южной Бурятии [Крадин, 2001, с. 80]. Значительная, если не большая, часть жителей хуннских городищ, по мнению ряда исследователей, состояла из двух групп: покоренных хуннами аборигенов и китайцев из числа перебежчиков и военнопленных [см.: Крадин, 2001, с. 95-96 (с лит.)]. Схожей была ситуация у туарегов и арабов спустя более чем два тысячелетия. Так, у туарегов земледелием занимались главным образом рабы-икланы и вольноотпущенники [Лот, 1989, с. 137]; у арабов Северной Аравии принадлежащие бедуинам земли обрабатывались арендаторами – африканскими вольноотпущенниками или пришлыми феллахами [Першиц, 1961, с. 33]⁵.

Второй способ был описан еще Иосафатом Барбаро в часто цитируемом пассаже из «Путешествия в Тану» [§ 33]: «...*После этого те, кто намерен сеять сам или поручить сев другим, готовят и договариваются между собой, нагружают телеги семенами, приводят нужных им животных и (...) направляются к назначенному месту, обычно расположенному на расстоянии двух дней пути от того места, где в момент клика о севе стояла орда. Там они пахут, сеют и живут до тех пор, пока не выполнят всего, что хотели сделать. Затем они возвращаются в орду*» (пер. Е.Ч. Скржинской). Абсолютно схожую картину описывает А.И. Левшин, говоря о

⁴ Н.Н. Крадин считает именно этот способ наиболее привлекательным для кочевников [Крадин, 2007, с. 125].

⁵ Икланы были объявлены свободными французским правительством после завоевания земель туарегов. Очевидно, что и у арабов земли первоначально обрабатывались рабами.

земледелии казахов начала позапрошлого века: «Впрочем, земледелие не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмолотив, они берут с собой нужную часть онога, а остальную за-рывают в землю до будущего посева и уходят в другие места. (...) Роды хлеба, или засеваемые, суть: яровая рожь, ячмень, пшеница и особенно просо» [Левшин, 1832, с. 199-200; см. также: Масанов, 1995, с. 75-76.].

И, наконец, третий путь – это путь оседания на землю беднейшей части кочевого общества, детально описанный С. А. Плетневой [Плетнева, 1982, с. 77-78 и сл.].

Сложно сказать, все ли способы были опробованы скифами, ведь, скажем, земледелие, подобное описанному Барбаро либо Левшиным, археологически зафиксировать невозможно, но и априорно исключать возможность его существования в Скифии тоже нельзя. Зато процесс оседания части кочевников на землю археология выявить может. У скифов основной зоной, где этот процесс происходил, была пойма Нижнего Днепра [Гаврилюк, 1999, с. 68-85]. Однако, даже если предположить, что жители нижнеднепровских поселений могли полностью обеспечивать зерном скифов, кочевавших в Нижнем Поднепровье, то, например, в Приазовье, где, судя по археологическим данным, зон оседлости не возникло, необходимость импортировать зерно сохранялась вплоть до гибели Скифии. Не следует также забывать, что на Нижнем Днепре, по мнению Н.А. Гаврилюк, процесс оседания кочевников на землю начался не ранее конца V – начала IV вв. до н.э. [Гаврилюк, 1999, с. 166-170]⁶, то есть до этого времени и здесь весь объем потребляемого зерна был импортным.

Еще одной важной группой импортных товаров были ткани и изделия из них. Не подлежит сомнению, что в принципе кочевники могли самостоятельно обеспечить себя шерстяными тканями. Однако не стоит забывать, что использовавшийся ими переносной примитивный горизонтальный ткацкий станок был весьма далек от совершенства [Карутц, 1911, с. 57-58; ср.: Гаджиева, 1976, с. 85, Лот, 1989, с. 169⁷]. Он позволял изготавливать лишь очень узкую полосу ткани, к тому же лишь простейшего плетения. В этом отношении он значительно уступал даже в целом не очень совершенному вертикальному станку, которым пользовались греки⁸. Поэтому ткани (а позднее, мануфактура) у кочевников всегда были в числе основных импортных товаров [Еманов, 1986; Толыбеков, 1971, с. 555; Лот, 1989, с. 216 и др.]. Даже в Золотой Орде, с ее собственным производством, большая часть тканей импортировалась [Калан, 2012, с. 87].

⁶ По мнению М. А. Остапенко [Остапенко, 2007], скифы-земледельцы на территории Нижнего Поднепровья фиксируются еще с VI в. до н.э., однако автор оперирует лишь данными погребальных памятников, но никак не поселений.

⁷ Примечательно, что с распространением фабричных тканей у туарегов Сахары ткачество практически исчезло, а у сахельских исчезло полностью, хотя прядение продолжает быть распространенным.

⁸ Примитивный горизонтальный станок у кочевников продолжал бытовать вплоть до XX века [см., например: Першиц, 1961, с. 33]. Это естественно, если учитывать громоздкость вертикальных и «продвинутых» горизонтальных станков, что сильно затрудняло их транспортировку в условиях постоянных перекочевков.

Другое дело, насколько доступными эти ткани были массе рядовых кочевников. Например, хорошо известно, что хунны получали от китайцев шелковые ткани [Крадин, 2001, с. 108 и сл.]. Были ли они доступны лишь племенной верхушке? Впрочем, в нашем распоряжении имеются данные, пусть и относящиеся к более поздним историческим периодам, однозначно свидетельствующие именно о массовом ввозе тканей (и одежды) для массового потребления.

Так, ногаи массово закупали ткани на османских и среднеазиатских рынках, причем в Средней Азии было налажено специализированное производство дешевого текстиля для рядовых номадов [Трепавлов, 2002, с. 538]. Такая же картина наблюдалась и позднее, у казахов, только место османских купцов заняли российские [Броневский, 1830, с. 235]. Последние снабжали мануфактурой и калмыков, причем в приводимом П. Небольсиным списке наиболее ходовых товаров, продававшихся на рынках Калмыкии, ткани составляют более половины наименований [Небольсин, 1852, с. 183]. Весьма примечательны авторские уточнения качества продаваемых тканей: сукно «*плохое*» или «*ужасной доброты*». Ясно, что подобные товары сбывались самым невзыскательным покупателям.

Для сравнения можно привлечь данные о кочевниках тропической зоны. У туарегов Ахаггара, по данным Анри Лота, практически вся одежда была изготовлена из привозных тканей, в основном европейских, а отдельные предметы (мужские покрывала) изготавливались в Нигерии [Лот, 1989, с. 154].

Таким образом, можно констатировать, что ткани входили в число товаров, наиболее массово потреблявшихся кочевниками. Нет никаких оснований предполагать, что скифы в этом отношении были исключением. Примечательно, что Страбон, говоря о торговле с кочевниками в Танаисе [XI,II,3], в списке товаров, поставляемых последним греками, на первое место помещает одежду и лишь на второе – вино. Подобный порядок, конечно же, вовсе не обязательно отражает удельный вес обеих групп товаров в греко-скифской или греко-сарматской торговле, но, во всяком случае, подтверждает то весомое значение, которое имела торговля тканями. Этнографические и исторические данные, как было показано выше, рисуют схожую картину. Стоит отметить, что номады при этом особенно ценили ткани из тех видов волокна, которое сами они получать не могли. Для хуннов, естественно, такими тканями были шелковые, а для скифов, очевидно, льняные и бомбисиновые (из косского шелка). Впрочем, подобные изделия, очевидно, скорее всего следует относить к предметам престижного употребления.

Третьей важной категорией товаров массового потребления, импортируемых кочевниками, были изделия из металлов, в частности орудия труда и оружие. Исторические и этнографические данные о торговле металлами и изделиями из них столь многочисленны, как и о торговле тканями. Приведу лишь несколько примеров.

На территорию Золотой Орды (наиболее «ремесленно продвинутой» из всех кочевых империй) железо и изделия из металлов ввозились из разных стран [см.: Калан, 2012, с. 66, 72, 73 и др.]. Ногаи закупали металлы как на османских, так и

на среднеазиатских рынках [Трепавлов, 2002, с. 538]. Калмыки покупали у русских купцов как железо, так и самые разнообразные изделия из него, вплоть до ножей, ножниц и иголок [Небольсин, 1852, с. 183]. Медь, олово и разнообразные металлические изделия привозили из России и казахи [Небольсин, 1852, с. 183]. Туареги также получали извне как металлы (железо, медь, серебро), так и изделия из них [Лот, 1989, с. 170, 173].

Очевидно, что с распространением фабричного производства и объемы, и ассортимент товаров, поставляемых кочевникам, существенно вырос. Однако, и в доиндустриальное время импорт металлических изделий номадами всегда был довольно значительным. Главной причиной этого является сам способ жизни номадов: в условиях постоянных перекочевок невозможно развивать сколько-нибудь прогрессивные технологии обработки железа или меди, поскольку переносные горны позволяют, главным образом, лишь чинить уже готовые изделия. Поэтому у номадов кузнецы занимаются практически исключительно починкой изделий, как это и ныне делают туарегские энадены [Лот, 1989. – С. 173]. Лишь при переходе к оседлости у кочевников появлялась возможность хотя бы частично исправить положение, создав собственные центры обработки металлов на поселениях. Таким центром у скифов стало Каменское городище, хотя технологический уровень скифской металлообработки уступал как уровню греческого, так и «лесостепного» ремесла [Гаврилюк, 1999, с. 173-177]. Однако, как уже говорилось выше, переход к оседлости был процессом длительным, и далеко не во всех частях Скифии он был завершен. Так что изделия из металлов всегда были одной из статей скифского импорта, хотя, без сомнения, греки были далеко не единственными их поставщиками.

Ответ на второй вопрос, то есть о составе потребителей греческих товаров в среде номадов состоит в непосредственной связи с ответом на первый вопрос: если украшения, парадное оружие либо дорогая одежда были необходимы кочевой верхушке, то зерно, недорогие ткани и одежда, а также орудия труда – рядовым кочевникам.

Согласно исследованию Е.П. Бунятян [Бунятян, 1985, с. 93-97], на основании анализа инвентаря погребений, рядовое скифское население по имущественному положению можно разделить на несколько категорий, среди которых выделяются три основные. К первой из них можно отнести зажиточных скифов, составлявших 15-20% населения. По имущественному положению к ним примыкают представители мелкой племенной знати, составлявшей около 5% населения. Ко второй группе относятся небогатые скифы – до 60% всего населения, а к третьей – беднейшие скифы, к которым относилось менее 10% всех жителей. Таким образом, даже если предполагать, что потребителями греческих товаров были лишь достаточно зажиточные скифы (а в отношении зерна это крайне маловероятно – оно было нужно всем, и самым бедным не менее, если не более, чем богатым), то их число было достаточно значительным. Впрочем, более вероятным, на мой взгляд, выглядит предположение, что к потребителям греческих товаров следует отнести большинство скифов, кроме, быть может, самых бедных, неполноправных представителей

скифского общества⁹. А это, в свою очередь, означает, что число потребителей греческих товаров в среде номадов могло быть весьма значительным, и исчисляться не тысячами, а десятками, а в IV веке до н.э. – и сотнями тысяч человек (согласно подсчетам общей численности скифов, произведенных Н.А. Гаврилюк [Гаврилюк, 1999, с. 126-127]).

Если последнее предположение верно, то следует полагать, что объемы поставляемой продукции были значительно большими, чем считалось ранее, на основании лишь археологических данных. А это, в свою очередь, означает, что не следует недооценивать роль торговли с номадами в экономике северопонтийских государств.

Не менее важным представляется и ответ на вопрос: а чем же компенсировался тот поток импортных товаров, который получали кочевники?

Античные источники освещают это вопрос довольно скупо. Пожалуй, наиболее определенно о торговле с кочевниками говорит Страбон [XI, II, 3]: *«На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода»* (перевод Г.А. Стратановского). Несмотря на то, что информация античного географа относится к несколько более позднему времени, навряд ли ситуация в скифскую эпоху была принципиально отличной. Во все времена предметом экспорта номадов были три основные группы товаров, последние два из которых упомянуты Страбоном: 1) живой скот, 2) скотоводческая продукция и 3) «живой товар» – рабы.

Насколько можно судить, анализируя данные письменных источников и этнографические материалы, именно живой скот был «товаром номер один» в торговле номадов с оседлыми, лишь в отдельных случаях уступая первенство «живому товару». Примеров можно приводить много, и относиться они будут к самым разным участкам Великой степи и в самые разные отрезки времени. Например, в VIII веке уйгуры массово поставляли в Китай лошадей, причем разовые поставки исчислялись многими тысячами [Крадин, 2007, с. 104-105]. Почти тысячу лет спустя, в совсем другом регионе степи, ногаи точно так же поставляли соседней империи – Российской – лошадей [Трепавлов, 2002, с. 527]. При этом, опять-таки, масштабы этой торговли были очень крупными [Трепавлов, 2002, с. 528]¹⁰. Кроме лошадей, ногаи торговали, хотя и в меньших объемах, овцами и крупным рогатым скотом [Трепавлов, 2002,

⁹ Впрочем, и беднейшие скифы, судя по приведенным выше этнографическим данным о батраках у кочевников нового и новейшего времени, были потребителями зерна. Последнее, естественно, доставалось им не столько непосредственно от купцов, сколько от зажиточных соплеменников.

¹⁰ К тому же, в случае с ногаями не может быть и речи о «принудительной» торговле, которую время от времени практиковали уйгуры (как до них – хунны, а после – тюркюты), пытаясь силой навязать некачественный товар.

с. 529.]. Позднее, уже после гибели Мангытского юрта, массовые поставки скота в Россию осуществлялись казахами [Марков, 1976, с. 157]. При этом, как и в случае с уйгурами и ногаями, основным экспортным товаром кочевников были лошади [Марков, 1976, с. 161]. Кроме лошадей, казахи продавали также верблюдов, овец и крупный рогатый скот [Марков, 1976, с. 167], причем больше всего продавалось овец и меньше – крупного рогатого скота [Марков, 1976, с. 168].

Не стоит, однако, считать, что так было всюду и всегда. Дело в том, что интенсивность продажи лошадей в Россию определялась прежде всего нуждами конницы [Трепавлов, 2002, с. 529], а не потребностями хозяйства. Кстати говоря, хунны воздерживались от поставок породистых лошадей в Китай, чтобы не усиливать китайскую кавалерию, и китайцы были вынуждены организовывать поставки лошадей из Центральной Азии [Крадин, 2001, с. 118]. А ордынцы, судя по описаниям Иосафата Барбаро из «Путешествия в Тану» [§ 34], осуществляли поставки различных видов скота на разные рынки: «... Среди этого народа есть торговцы лошадьми; они выводят лошадей из орды и гонят их в различные места. В одном караване, пришедшем в Персию еще до того, как я оттуда уехал, их было четыре тысячи голов. (...) Второй вид животных, которых имеет этот народ, — прекрасные крупные быки, причем в таком количестве, что их вполне хватает даже на итальянские бойни. Их гонят в Польшу, а некоторую часть направляют через Валахию в Трансильванию; кроме того — в Германию, а оттуда уже ведут в Италию. (...) Третий вид животных, которых держит этот народ, — высокие мохнатые двугорбые верблюды. Их гонят в Персию и продают там по двадцать пять дукатов за каждого...» (пер. Е.Ч. Скржинской)¹¹.

Очевидно, что греки Северного Причерноморья не испытывали нужды в столь массовых поставках лошадей¹², и приведенная выше информация важна прежде всего как свидетельство регулярности и масштабности торговли живым скотом между кочевниками и их оседлыми соседями.

К сожалению, письменные и эпиграфические источники не содержат сколько-нибудь содержательной информации о поступлении скифского скота на рынки античных государств Северного Причерноморья. Однако, имеющиеся в нашем распоряжении данные археозоологии позволяют утверждать, что такие поставки были, причем достаточно масштабные, и что поставлялись различные виды домашних животных.

Судя по имеющимся у нас данным, наиболее интенсивными были поставки скифского крупного рогатого скота комолой породы. Многие античные авторы, начиная

¹¹ Про экспорт живого скота из Орды см. также: [Калан, 2012, с. 104-105].

¹² Павел Орозий в своей «Истории против язычников» [III, 13, 6] сообщает, что «Двадцать тысяч превосходных кобылиц были отправлены в Македонию для улучшения [македонской] породы» после победы Филиппа над скифами. Естественно, что в этом случае речь никак не идет о торговле. Можно, чисто теоретически, допустить, что цари Боспора могли закупать скифских породистых лошадей для нужд своей конницы, однако археозоологические данные, подтверждающие это предположение, пока отсутствуют.

с Геродота [IV, 29], упоминают об этой местной породе. Археозоологи подтвердили наличие этой породы и в греческих государствах Причерноморья, а ее появление там вполне логично объяснили массовыми закупками у скифов [Журавлев, 1983, с. 40]. Кстати говоря, по мнению О.П. Журавлева, с собой греческие колонисты привезли более крупную, чем местная, породу крупного рогатого скота, с которой позднее скрещивали местную комолюю [Журавлев, 1983, с. 40]. Кстати говоря, именно результатом этого скрещивания археозоолог объясняет внезапное увеличение размеров ольвийского крупного рогатого скота в классическую эпоху [Журавлев, 2009, с. 263]. Аналогичной, судя по всему, была ситуация и на Боспоре: по крайней мере, на хоре Нимфея встречалась как комолая, так и рогатая породы крупного рогатого скота [Каспаров, 2003, с. 261].

Вполне вероятно, что подобной была ситуация и с торговлей мелким рогатым скотом. О.П. Журавлев [Журавлев, 1993] указывал на наличие нескольких пород овец в Нижнем Побужье. Однако, при этом он не предполагал возможности импорта овец либо коз, указывая на отличия между греческими и скифскими породами [Журавлев, 2009, с. 263]. В то же время А.К. Каспаров, анализируя остеологические материалы Березанского поселения, считая, что вначале греки выращивали собственные породы, предполагает, что позднее они импортировали мелких скифских овец [Каспаров, 2012, с. 124-125]. При этом козы, разводимые греками, по его мнению, были исключительно местного происхождения [Каспаров, 2012, с. 125]. Следует заметить, впрочем, что аргументы в пользу торговли овцами и, особенно, козами пока выглядят куда менее убедительными, чем в случае с крупным рогатым скотом. Остается надеяться, что дальнейшие археозоологические исследования позволят получить более полную и надежную картину скифо-греческой торговли скотом. Но уже сегодня сам факт этой торговли можно считать доказанным.

Продукты скотоводства также всегда были в числе основных экспортных товаров, поставляемых номадами своим соседям. В процитированном выше пассаже Страбона среди подобных продуктов упоминаются лишь кожи. Этнографические же данные позволяют составить довольно внушительный список продукции скотоводства, экспортировавшейся кочевниками.

Известно, к примеру, что у казахов весенняя шерсть¹³ («жабегии») в основном шла на продажу [Толыбеков, 1971, с. 555]. Кроме овечьей и, в меньшей степени, верблюжьей шерсти казахи продавали также козий пух, сырые шкуры, войлок, армячину, мерлушки, арканы [Броневский, 1830, с. 235; Марков, 1976, с. 164]. Кожи (конские, воловьи) и овчины упоминаются в числе основных товаров, продававшихся калмыками [Небольсин, 1852, с. 177]. Ногайцы, уже переселившись в степи Предкавказья, также поставляли соседям (кабардинцам, черкесам, кумыкам, чеченцам...) шерсть, шкуры а, кроме того, масло, причем как у себя в степи, так на рынках

¹³ Овцы стриглись дважды в году – весной и осенью. Осенняя шерсть в основном шла на собственные нужды кочевников.

соседей [Гаджиева, 1976, с. 198]. Список можно продолжать, привлекая как этнографические, так и исторические данные. К примеру, ногаи поставляли шерсть, шкуры и, особенно, белые войлоки и топленое масло [Трепавлов, 2002, с. 529-530].

Следует подчеркнуть, что продукция скотоводства экспортировалась не только степняками, но и кочевниками полупустынных и пустынных районов, в частности, арабами¹⁴ [Першиц, 1961, с. 31, 36] и туарегами [Лот, 1989, с. 218]¹⁵.

Вряд ли скифы в этом отношении были исключением среди других кочевников. Именно поэтому трудно согласиться с Н.А. Гаврилюк, считающей невозможным сколь-нибудь масштабный экспорт скифами скотоводческой продукции [Гаврилюк, 1995, с. 111; Гаврилюк, 1999, с. 198]. Трудно предположить, что у жителей сухих степей, а тем более, полупустынь и пустынь, условия для развития скотоводства были лучшими, чем у скифов, обладателей едва ли не самых богатых пастбищ во всей степной зоне. А между тем, как указывалось выше, бедность пастбищ вовсе не служила препятствием для экспорта скотоводческой продукции. Другое дело, что установить ассортимент товаров, продаваемых скифами, на сегодня не представляется возможным. Можно лишь выдвигать более или менее вероятные предположения, исходя из состава стад, разводимых скифами в различные периоды времени и в различных районах их проживания.

Еще одной важной статьей экспорта кочевников была работорговля. Ряд исследователей допускают широкий экспорт рабов и скифами [см. лит.: Гаврилюк, 1999, с. 270-271]. Несомненно, что идея о масштабной скифской работорговле основывается на многочисленных исторических аналогиях, начиная с упоминаемой выше сарматской работорговли и заканчивая временами Крымского ханства, когда степняки регулярно и массово захватывали в плен жителей Лесостепи.

Впрочем, кочевники с успехом продавали в рабство и представителей враждебных кочевых племен, да и собственных соплеменников, как это было у ордынцев и ногаев [Трепавлов, 2002 – С. 536]. Причем такая практика успешно продолжалась вплоть до XIX века, о чем красноречиво свидетельствует С.Б. Броневский: *«у киргизцев (киргизкайсаков, т.е. казахов – А.О.) немалое число находится в плену калмыков обоего пола: они обременяясь ими, продавали их российским подданным или вертали их в уплату долгов». (...) «... в редком доме чиновника или купца нет служанок из калмычек (...) Нужда и бедность, постигающие довольно часто киргизцев от надежда скота, единственное их пропитание составляющего, ввергало их в необходимость продавать даже собственных детей»* [Броневский, 1830, с. 163-164].

Наиболее стройную и последовательную концепцию, согласно которой работорговля была основной статьей скифского экспорта, сформулировала Н.А. Гаврилюк

¹⁴ Бедуины-кочевники продавали продукцию верблюдоводства, тогда как полукочевники – овцеводства, прежде всего топленое масло и овечью шерсть.

¹⁵ Туареги продавали, в частности, веревки и пояса из козьей шерсти. При этом, что примечательно, значительная доля этих изделий шла из Сахары к сородичам в Сахель.

в монографии «История экономики Степной Скифии» [Гаврилюк, 1999, с. 270-278]. Исследовательница акцентирует внимание на резком сокращении населения Правобережной Лесостепи как раз во время максимального подъема эллино-скифских торговых контактов, что вполне можно объяснить массовым захватом местных жителей в плен и последующей продажей их в рабство. Впрочем, гипотеза имеет и свои уязвимые места. Прежде всего, нельзя не отметить, что сами античные авторы никогда не упоминали Скифию среди главных поставщиков «живого товара» на греческие рынки (это обстоятельство признает и сама Н.А. Гаврилюк [Гаврилюк, 1999, с. 276]). Более того, даже если признавать регулярность поступления скифских рабов в Афины (а сам этот факт является предметом дискуссий [Фролов, 1998. ср.: Иванчик, 2002]), то речь должна идти скорее о самих скифах-степняках, а не о жителях Лесостепи. Таким образом, пока что нет никаких прямых данных, которые позволяли бы утверждать, что работорговля была основной статьей скифского экспорта.

Естественно, что ассортимент экспортных товаров у кочевников не исчерпывался перечисленными выше. Среди прочих товаров, поставляемых номадами на внешние рынки, можно назвать пушнину и лекарственные растения [Броневский, 1830, с. 235; Вайнштейн, 1991, с. 118; Марков, 1976, с. 167; Трепавлов, 2002, с. 538; Лот, 1989, с. 218¹⁶]. Однако чаще всего их экспорт имел лишь вспомогательное значение.

* * *

В завершение необходимо подчеркнуть, что любые выводы об объемах греко-варварской торговли могут носить лишь сугубо предварительный, скорее постановочный характер, так как объективная оценка греко-скифской торговли даже на качественном уровне невозможна без получения ответа на следующие три вопроса:

Во-первых, вопроса о том, какой процент товаров номады получали в результате торговых отношений, а какой – в виде дани (или т.н. неэквивалентной торговли) или же просто в результате прямого грабежа (см.: [Одрін, 2011, с. 287-288]). Как показывают многочисленные исторические примеры, последний способ был для кочевников весьма привлекательным¹⁷.

Второй вопрос – это вопрос о том, какой процент импортируемых товаров поставлялся греками, а какой – жителями Лесостепи. Ведь и зерно (просо и ячмень),

¹⁶ Любопытны данные А. Лота о вывозе полыни из Ахаггара, что корреспондируется и с данными античных авторов.

¹⁷ Недаром, к примеру, как Россия, так и государства Средней Азии вводили жесткое эмбарго на поставки оружия ногаям [Трепавлов, 2002, с. 538]. Впрочем, греки, как известно, вполне охотно поставляли скифам оружие, что может косвенно свидетельствовать об отсутствии чрезмерного силового давления номадов на своих партнеров в античном мире.

и рядовые ткани, и металлические изделия достаточно высокого качества могли поступать к скифам не только с юга, от греков, но и с севера¹⁸.

И, наконец, третий вопрос: какой процент товаров, поставляемых греками скифам, производился в самих государствах Причерноморья, и в какой мере потребности номадов определяли структуру производства в этих государствах. К примеру, для поставок проса и ячменя местные эллины должны были ограничивать производство мягкой пшеницы, а для производства льняных тканей – развивать льноводство.

Ответы на эти вопросы могут быть получены лишь в результате проведения комплексных исследований с одновременным использованием как информации археологии и археобиологических дисциплин, так и сравнительно-исторических и сравнительно-этнографических данных.

Последнее тем более важно, что, как было показано в статье, основная часть товаров, как импортировавшихся, так и экспортировавшихся кочевниками, археологически выявляется плохо, или же не выявляется вообще. Между тем, структура экстенсивного кочевого хозяйства в целом оставалась достаточно постоянной на протяжении веков и даже тысячелетий. Это позволяет достаточно успешно привлекать историко-статистические и этнографические данные о хозяйстве номадов нового и, в меньшей мере, новейшего времени для реконструкции кочевого хозяйства древности [Крадин, 2002, с. 65]¹⁹.

Остается надеяться, что подобные исследования – дело не столь уж отдаленного будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. – К., 1985.
Броневский С. Записки Генерал-Майора Броневского. О Киргиз-Кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. – Апрель, 1830 – Ч. 42 – № 120 – С. 162–194
Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
Виноградов Ю.А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. 2009. – XXII. – С. 5-90.
Гаврилюк Н.А. Скотоводство степной Скифии – К., 1995.
Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н. э. – Харьков, 1999.
Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. – М., 1976
Еманов А.Г. Восточное направление торговли Кафы в XIII-XV веках.// Вестник ЛГУ. Сер. история. 1986. Вып.3. – С. 99-100.
Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. – М., 1893.

¹⁸ Важно также исследовать, существовали ли принципиальные различия в способах получения номадами товаров с юга и с севера: преобладал ли в отношениях с греками мирный подход, а с обитателями Лесостепи – силовой?

¹⁹ Естественно, чем эти данные ближе к исследуемой эпохе территориально и хронологически, тем они надежней. К сожалению, подобных (и подробных) данных в отношении Северного Причерноморья явно недостаточно. Особенно последнее касается данных этнографии, поскольку номады были вытеснены с его территории раньше, чем из других регионов Великой Степи.

- Журавлев О.П.* Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. К., 1983. – С. 38-45.
- Журавльов О.П.* Історія фауни і тваринництва Нижнього Побужжя в античний час. / Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 1992
- Журавлев О.П.* Животноводство и охота в Ольвийском государстве (заметки археозоолога) // Ольвийские древности. – К., 2009. – С. 258-267.
- Иванчик А.И.* Кем были "скифские" лучники на аггических вазах эпохи архаики? // ВДИ – 2002. – № 3. – С. 33-55; 2002. – № 4. – С. 23-42.
- Каруц, Рихард.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Этнографические очерки. – СПб., 1911.
- Каспаров А.К.* Фаунистические материалы из раскопок Южно-Чурубашского поселения // Боспорские исследования. – 2003. – Т. 4. Симферополь-Керчь – С. 260-264.
- Каспаров А.К.* Некоторые замечания о фаунистических остатках из поселения на о. Березань // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции – Т. 2. – СПб., 2012. – С. 124-129.
- Калан Э.* Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды) со странами Востока: вторая половина XIII-XIV вв. – Казань, 2012.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. – М., 2001.
- Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. – Алматы, 2007.
- Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть III. – СПб., 1832.
- Лот А.* Туареги Ахаггара. – М., 1989.
- Марков Г. Е.* Кочевники Азии. – М., 1976.
- Марченко К. К.* Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. – СПб., 2005. – С. 12-26.
- Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы-М., 1995.
- Небольсин П.* Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. – СПб, 1852.
- Небольсин П.* Очерки Волжского низовья. – СПб, 1852a.
- Одрін О.В.* Ключові проблеми сучасного стану дослідження скіфо-грецьких торговельних відносин: до постановки питання// Елліністичні студії. – К., 2010.
- Остапенко М.А.* Бескурганские могильники степных скифов // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. – К., 2007. – С. 143-179.
- Перишц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX вв. – М., 1961.
- Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982.
- Поляков С.П.* Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. – М., 1980.
- Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. – Алма-Ата, 1971.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. – М., 2002.
- Фролов Э.Д.* Скифы в Афинах// Вестник Древней Истории – 1998. – № 1. – С. 135-152.
- Хазанов А.М.* Социальная история скифов. – М., 1975.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. – Алматы, 2002.

О.В. Одрин

ГРЕКО-СКИФСЬКІ ТОРГОВЕЛЬНІ ВЗАЄМИНИ: АРХЕОЛОГІЧНІ ДАНІ,
ЕТНОГРАФІЧНІ ПАРАЛЕЛІ ТА ІСТОРИЧНІ РЕКОНСТРУКЦІЇ

Резюме

Стаття присвячена дослідженню низки аспектів греко-скифської торгівлі. Досліджується торгівля предметами масового вжитку у середовищі кочовиків: зерном, тканинами, виробами з металів. Визначається коло споживачів цих товарів у скифському середовищі. Розглянуті також основні статті скифського експорту: худоба і продукти тваринництва, а також раби. Висловлено припущення про більші обсяги і ширший асортимент греко-скифської торгівлі, ніж це традиційно прийнято вважати. У статті широко використані порівняльно-історичні та етнографічні відомості.

А.В. Одрин

ГРЕКО-СКИФСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ,
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Резюме

Статья посвящена исследованию ряда аспектов греко-скифской торговли. Исследуется торговля предметами массового потребления в среде кочевников: зерном, тканями, изделиями из металлов. Определяется круг потребителей этих товаров в скифской среде. Рассмотрены и основные статьи скифского экспорта: скот и продукты скотоводства, а также рабы. Высказано предположение о более значительных объемах и более широком ассортименте греко-скифской торговли, чем это традиционно принято считать. В статье широко использованы сравнительно-исторические и этнографические сведения.

A.V. Odrin

GREEK-SCYTHIAN TRADE RELATIONS: ARCHAEOLOGICAL DATA, ETHNOGRAPHIC
PARALLELS AND HISTORICAL RECONSTRUCTON

Summary

The article discusses several aspects of Greco- Scythian trade. We investigate the trade items of mass consumption among nomads: grain, fabrics, and metal products. A circle of consumers of these products in the Scythian environment is defined. Main articles of the Scythian export are observed: livestock and livestock products, as well as slaves. We suggest more significant volumes and a wider range of Greco- Scythian trade than it is traditionally assumed. Comparative historical and ethnographic information is widely used in the article.